

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ В ЧЕХИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ XV в.

Б. Т. Рубцов

Среди крупнейших восстаний эпохи феодализма особое место занимает крестьянская война XV в. в Чехии. По своему значению в мировой истории она получила название великой. Она отличалась размахом, продолжительностью и организованностью от всех предшествующих выступлений эксплуатируемых масс в феодальную эпоху. Одной из особенностей этого революционного движения является то, что, будучи направлено против феодальной реакции, оно сочеталось с национально-освободительной борьбой в масштабах всей страны. Так как восставшие против феодальной эксплуатации крестьяне выступали под знаменем идей, впервые отчетливо сформулированных славным сыном чешского народа Яном Гусом, то многолетнюю героическую борьбу крестьян и всего народа Чехии против феодально-католической реакции в первой половине XV в. обычно называют гуситскими войнами.

Причины и особенности крестьянской войны в Чехии можно изучать только на основе глубокого исследования социально-экономической истории страны в XIV и начале XV века. При этом особенно важно рассмотрение аграрного строя Чехии, а также положения крестьянства, которое несло всю тяжесть феодальной эксплуатации и составляло основную силу армий Табора. Как справедливо отмечает один из ведущих историков народно-демократической Чехословакии, И. Мацек, этот вопрос до настоящего времени еще недостаточно освещен в литературе и разработка его принадлежит к числу насущных задач исторической науки¹.

Неисследованность проблем аграрного строя Чехии XIV — начала XV в. не является случайной. Чешская буржуазная наука избегала того, что могло бы пробудить в памяти народов славные традиции революционной борьбы против эксплуатации и угнетения, и менее всего была заинтересована в раскрытии социально-экономических предпосылок величайшего события чешской средневековой истории. Наиболее извращенную трактовку вопроса о положении крестьян дал в свое время представитель чешской буржуазной историографии И. Пекарж. По его мнению, в связи с иноземной колонизацией и принятием так называемого «немецкого права» юридическое и материальное положение чешского крестьянина в предгуситский период было относительно благоприятным; более того, вся тенденция эпохи вела к небывалому улучшению положения крестьянства². От этих взглядов ничем не отличались взгляды В. Халоупецкого, считавшего повсеместное оживление и всеобщее улучшение жизни крестьян к началу XV в. результатом немецкой колонизации³. Один из крупнейших буржуазных историков Чехословакии, К. Крофта, хотя и призывал отходить от крайностей И. Пекаржа, тем не менее сам заявлял, что положение крестьян накануне гуситских войн было лучше, чем когда

¹ См. J. Macek, *Tábor v husitském revolučním hnutí*. Díl. I. Praha. 1952, str. 118.

² См. J. Pekař, *Žizka a jeho doba*. Díl. III. Praha. 1929, str. 190; *Knihy o Kosti*. Díl. II. Praha. 1913, str. 149.

³ V. Chaloupecký, *Selská Otázka v husitství*. Příspěvek k ideologii doby a revoluce. Bratislava. 1926, str. 12.

бы то ни было⁴. Исключением являются взгляды Челяковского и Урбанека, сомневавшихся в том, что положение крестьян в ту пору улучшилось.

Против такого искажения исторической правды выступил еще в 1901 г. А. Н. Ясинский, который впервые сделал попытку монографического исследования аграрного строя средневековой Чехии. А. Н. Ясинский, к сожалению, издал только первый том задуманного им большого труда⁵ и опубликовал позднее ряд ценных статей по аграрной истории Чехии XIV в., представляющих собой лишь отдельные фрагменты⁶. А. Н. Ясинский коренным образом расходился с И. Пекаржем и другими в трактовке вопроса о значении так называемого «немецкого права», распространение которого он связывал с ухудшением положения чешского крестьянства. Однако, констатируя ухудшение положения крестьян, ухудшение их держательских прав, экспроприацию остатков общинных угодий, буржуазный ученый Ясинский оказался не в состоянии выяснить истинный смысл этих явлений.

Историческая наука пародно-демократической Чехословакии, опираясь на марксистско-ленинскую методологию и используя опыт советских исследователей, приступила к разработке проблем аграрного развития Чехии кануна гуситских войн и поставила ряд важных вопросов. Мы имеем в виду в первую очередь работы И. Мацека и Ф. Грауса⁷.

Целью данной статьи является рассмотрение эволюции феодальной ренты и динамики феодальной эксплуатации, а также выяснение воздействия ренты на положение крестьян в конце XIV — начале XV века. Автор использовал в качестве основного материала чешские поземельные описи (урбарии) крупных монастырских и светских владений XIV и XV веков. Указанные памятники, имея историко-статистический характер, соединяют в себе сведения описательные с большим количеством цифровых данных. В общей сложности мы располагали сведениями более чем по 900 селам.

Для правильного понимания аграрного строя Чехии накануне великой крестьянской войны XV в. необходимо рассмотреть в общих чертах экономическое и политическое положение этой страны. Следует отметить, что рост производительных сил в области сельского хозяйства в интересующий нас период выражался в увеличении общего количества продукции и особенно в расширении связанных с рынком отраслей сельского хозяйства, развивалось производство технических культур — льна и конопли; совершенствовалась техника обработки почвы. Одновременно источниками выразительно свидетельствуют о развитии овцеводства, о значительном расширении рыбного хозяйства, хмелеводства и виноградарства, а также об упорядочении лесного хозяйства, продукция которого во все большем количестве поступала на рынок. Известно также, что в XV в.

⁴ См. K. Krofta. Josef Pekař a dějiny českého venkova. «Věstník Československé akademie zemědělské». 1937, str. 389—392; Naš selský stav v poddanství. «Věstník Československé akademie zemědělské». 1938, str. 828—829; Dějiny selského stavu. Praha. 1949, str. 87.

⁵ А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Т. I. Юрьев. 1901.

⁶ См. А. Н. Ясинский. Введение «немецкого права» в селах Чехии XIV в. «Сборник статей по истории права, посвященный Владимирскому-Буданову». Киев. 1904; Присяга крестьян по чешскому средневековому праву. «Сборник статей по славяноведению». Т. I. 1904; Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии (Сборник в честь Ламанского). 1905; Происхождение и природа чешских поземельных единиц. «Научные известия Смоленского государственного университета». Т. II. 1924; Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии. «Ученые записки Института истории РАНИОН». Т. III. М. 1929, и другие работы.

⁷ См. П. И. Резонов, Г. Э. Санчук, А. И. Озолин. Гуситское революционное движение в новых работах чехословацких историков. «Вопросы истории». 1954, № 10.

Чехия по развитию горного дела занимала ведущее положение во всей Центральной Европе. Увеличивалась добыча железной руды и олова; вместе с тем совершенствовался ряд производств, в частности выплавка железа; был введен в употребление механический молот, приводимый в действие силой воды; широкую известность приобрело чешское стекло, и т. п.

С ростом товарно-денежных отношений и внутреннего рынка происходило расширение внешнего рынка. Существенно возросла роль Чехии в международной торговле, особенно с Восточной Европой.

Разумеется, этот хозяйственный подъем не менял существа феодального способа производства. Производственные отношения попрежнему находились в соответствии с характером производительных сил. Ни распространение денежной ренты, ни развитие товарного производства в целом не говорят еще о появлении нового способа производства.

Экономическое развитие Чехии сказывалось на ее политической структуре прежде всего в том, что оно усиливало крупных землевладельцев-панов, которые стремились расширить сферу действия своей власти в ущерб королевским прерогативам. В своих сословных, узкоэгоистических целях паны вступили в предательскую связь с венгерским королем Сигизмундом и другими врагами чешского государства. Вследствие усиления центробежных тенденций международное положение Чехии к началу XV в. ухудшилось.

В XIV—XV вв. резко проявились социальные противоречия в Чехии, особенно между крестьянами и феодалами, усиливавшими эксплуатацию зависимого населения. К числу других противоречий принадлежат противоречия между низами и верхами городского населения, а также между мелкими рыцарями и панами.

Социальные группировки в Чехии совпадали в общих чертах с национальными. Это придавало всей классовой борьбе внутри Чехии национальный характер. Борьба велась в первую очередь против цитадели феодализма — католической церкви, в которой чешский народ видел жестокого эксплуататора и врага.

Укрепление рыночных связей вотчины с окружающим миром повышало заинтересованность феодалов в сельскохозяйственных продуктах и стимулировало наступление феодалов на непосредственного производителя — крестьянина. Это вызывало значительные изменения в самой структуре феодальной вотчины — основной ячейке существовавшего социально-экономического строя. Именно ее необходимо прежде всего рассмотреть при изучении аграрного строя средневековой Чехии; феодальная вотчина сосредоточивает в себе все противоречия, свойственные феодальному способу производства. Выяснить специфику ее развития накануне крестьянской войны XV столетия крайне важно.

Исследователю прежде всего приходится сталкиваться со сложностью состава феодальных владений в Чехии. Владения монастырей, архиепископства Пражского и крупнейших светских феодалов — панов из Рожмберка — были разбросаны по всей Чехии и даже за границей. Все это являло собой картину большой пестроты, разнородности и рассредоточенности, свойственных феодализму.

Сложность состава феодальных владений зависела и от наличия таких явлений, как внутривотчинная субинфеодация и отчуждение феодальной ренты. Держание от нескольких сеньеров переключивалось со случаями суб- и субсубдержаний, с ними переплеталось отчуждение рент, преимущественно денежных. Можно утверждать, что территориальное совпадение вотчины и феодально-зависимой деревни имело место только в немногих случаях; значительно более часто встречались примеры, когда

несколько сел входило в состав одного вотчинного комплекса. Нередко имели место явления противоположного порядка: крупные села делились между несколькими феодалами, входя частью своих земель соответственно в различные вотчинные комплексы — панства. Все это усложняет исследование вотчинного хозяйства.

Как известно, особенность производственных отношений феодальной формации ни в чем так ярко не проявляется, как в форме присвоения феодалом — собственником земли — прибавочного продукта, производимого трудом зависимого крестьянина. К. Маркс характеризует «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям», выступающее в качестве специфической экономической формы, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, как основу всего общественного строя, определяющую «отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства», и отмечает, что оно, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие⁸.

Вопрос о ренте в Чехии конца XIV — начала XV в. должен быть поставлен прежде всего в плане выявления специфики структуры ренты по районам. На юге Чехии самыми крупными светскими феодалами были известные паны из Рожмберка. Им принадлежало 352 населенных пункта (упоминаемых в поземельной описи владений панов Рожмберков 70-х годов XIV в.), разбросанных во всей южной Чехии. Наиболее южную группу вотчин составляли три рожмберкских панства: Рожмберкское⁹, Витоньское¹⁰ и Фримбуркское¹¹. Крестьянские повинности и платежи в этих панствах были не одинаковы. В Витоньском и Фримбуркском панствах вообще не указано никаких видов отработочных повинностей. Равным образом и в 24 селах Рожмберкского панства упоминается только чинш. Кроме того, в 14 других деревнях барщины и натуральные платежи названы лишь в связи с оценкой их стоимости деньгами. Вместе с тем мы находим 5 деревень, крестьяне которых, помимо денежных чиншей, были обложены натуральными взносами, а барщины не отбывали вовсе; в 6 других селах барщина была оценена в деньгах, но сохранялись натуральные взносы. Таким образом, можно предположить, что и в 49 населенных пунктах Рожмберкского панства барщина не отбывалась.

Что касается тех сел, где отработочная рента засвидетельствована документами, картина ее распределения исключительно сложна. В 18 селах крестьянские повинности представлены одновременно и чиншами, и барщиной, и натуральными взносами. В трех случаях натуральные взносы заменены деньгами при сохранении барщины; в селах Махнотец, Младенов, Бистра и Завратне часть крестьян отбывала барщину, в то время как другие уже вместо барщины платили феодалу деньгами.

Еще более скромное место занимали в крестьянских платежах натуральные взносы.

Непременной и важной составной частью крестьянских платежей Рожмберкского, Фримбуркского и Витоньского панств являлся чинш, размеры которого не были постоянными.

Рассмотрение состава и структуры феодальной ренты по наиболее южным районам Чехии позволяет прийти к заключению, что здесь перед нами резко выражено преобладание денежной ренты, причем последняя имеет тенденцию к увеличению в результате коммутации.

⁸ См. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1953, стр. 804.

⁹ См. «Registrum honorum Rosenbergicorum» a. MCCCLXXIX compitatum. K vydání upravil Jos. Truhlař. Pojednání Kralovské české společnosti nauk. VI Rady. D. X. Praha. 1880 (Рожмберкский урбарий, стр. 1—11; № 1—77. В дальнейшем: Р. У.; в числителе указываются страницы, в знаменателе — номер документа).

¹⁰ Р. У. 22—26/206—222.

¹¹ Р. У. 26—28/223—234.

Другую группу рожмберкских владений, расположенных несколько севернее, представляли панства Крумловское и Майдштейнское¹². Во всех селах этих панств наблюдается такое же преобладание денежной ренты, как и в только что рассмотренных панствах крайнего юга. Весьма часто там допускалась замена деньгами всех натуралий или части их. В этом отношении весьма симптоматична приписка, датированная 1387 годом (то есть сделанная через несколько лет после составления урбария). Вслед за описанием села Пржидолье, где указаны денежные, натуральные и барщинные повинности крестьян, помещено примечание, написанное другой рукой и прямо говорящее о замене натуральных взносов деньгами¹³. Из документа видно, что крестьяне 14 сел (из 35) Крумловского панства и 10 (из 12) сел Майдштейнского вообще уплачивали только денежные чинши; во всяком случае, только эти последние внесены в текст урбария.

Таким образом, структура феодальной ренты Крумловского и Майдштейнского панств не отличалась сколько-нибудь существенным образом от Рожмберкского, Витоньского и Фримбургского; во всех этих панствах преобладала денежная рента и процесс коммутации зашел весьма далеко.

При продвижении на восток от рассмотренной территории мы располагаем уже не только данными о двух панствах Рожмберкской поземельной описи — Новоградском и Витингаузском¹⁴, но и описанием владений Тржебоньского монастыря, которое относится к тому же времени. Рассматривая феодальную ренту крестьян Новоградского панства, мы находим знакомую картину соотношения между ее видами. Так, в двух селах Тржебоньского монастыря барщина вообще отсутствовала, а в остальных пяти наблюдались различные сочетания барщинных работ. Характерно, что здесь упоминаются многие виды этих работ, большая часть которых переведена на деньги, хотя в Тржебоньском монастыре несомненно наличие барщины в прошлом («Item angarias seu robotas quidquid ibidem est ab antique pertinentiis»). Натуральные платежи крестьян тех же новоградских, витингаузских и тржебоньских сел были сравнительно невелики, и зерновые культуры не играли в них определяющей роли. Во всех без исключения селах, как рожмберкских, так и монастырских, засвидетельствованы денежные платежи. В этих панствах широко практиковалась замена повинностей и натуральных взносов деньгами.

Следующую группу рожмберкских владений, расположенных ниже по течению Влтавы, на левом и правом ее берегах, составляли панства Гельфенбургское по реке Бланице, Подегуское, расположенное несколько юго-восточнее последнего, и Буковское, села которого находились между Влтавой и Лужницей, на пути от Тржебони к Тыну¹⁵.

По Гельфенбургскому панству барщинные повинности встречаются только в двух селах (из 25). Почти такая же картина наблюдается в селах Буковского панства, где барщина зарегистрирована в двух случаях (из 17), в одном упоминается плата «pro robotis»¹⁶. Обращает на себя внимание относительно высокая барщина 6 подсоседков (подсоседками назывались безземельные или крестьяне, имевшие карликовые наделы), каждый из которых отрабатывал на жнивах по 30 дней¹⁷. Необходимо подчеркнуть, что увеличение барщинных повинностей именно для такой категории крестьян, как подсоседки, характерно для всей территории страны.

¹² Р. У. 30—35/257—300; Р. У. 35, 36/301—313.

¹³ Р. У. 30/259.

¹⁴ Р. У. 11—14/78—94; Р. У. 54—56/465—480. Urbář z roku 1378 a účty kláštera Třebonského z let 1367—1407. Praha. 1949.

¹⁵ Р. У. 39—41/333—359; Р. У. 37—39/314—332; Р. У. 41—43/360—378.

¹⁶ Р. У. 42/368.

¹⁷ Р. У. 43/373.

Наконец, в Подегуском панстве находим барщину лишь в трех селах из восемнадцати¹⁸.

Что касается денежного чинша, то как в Гельфенбургском, так и в Подегуском панстве он колеблется между 40 и 64 грошами¹⁹ с лана, причем чинш является единственной отраженной в урбарии повинностью крестьян. Рассмотрение ренты в селах Гельфенбургского, Подегуского и Буковского панств позволяет отметить на общем фоне преобладания денежной ренты, свойственной более южным районам, первые симптомы возрастания отработочной ренты (тридцатидневная барщина подсоседков) и натуральных платежей (в Подегуском панстве). Но такие случаи являлись еще единичными (из рассмотренных нами материалов по 250 с лишним селам тридцатидневная барщина зарегистрирована только в одном случае). Чтобы проверить, не является ли это изменение структуры ренты (хотя и весьма слабое) делом случая, необходимо рассмотреть материалы о более северных владениях панов Рожмберков, располагавшихся тогда на правом берегу реки Влтавы. В Хоусническом панстве только в селе Хрбонин указано количество жнецов и косцов, выставленных с лана. Кроме того, в селе Влчовесь крестьянам вменялось в обязанность перевозить сено с господского луга, а в селах Костин и Пржедборж — возить хлеб с полей²⁰.

Более показательны, хотя и не так многочисленны случаи, когда барщина измеряется не днями, а неделями, без указания количества и качества работ. Промежуточное положение занимает восемнадцатидневная барщина. В миличнских селах отработочные повинности приближались к повинностям только что описанных панств. Натуральные взносы в рассматриваемой группе панств мало чем отличаются от платежей рассмотренных выше районов. Но даже и в единственном пункте, где еще сохранились натуральные взносы (село Кржипеницы), взималась уже денсжная плата «рго pullis» («за кур»).

Рассмотрение феодальной ренты в южных панствах Чехии в 70-х годах XIV в. позволяет наметить некоторые общие тенденции. Сравнительно большой материал, подвергнутый исследованию (данные о 359 селах), дает нам право считать полученные выводы достаточно обоснованными.

Общей закономерностью, ясно выступающей в результате рассмотрения поземельных описей юга, является полное преобладание денежной ренты, вытесняющей во многих случаях ее другие виды. Однако неправильно было бы полагать, что господство денежной ренты вело за собой немедленную ликвидацию доменального хозяйства и коренную его перестройку. Господское хозяйство, насколько нам позволяют судить материалы, расширяло и укрепляло свои связи с рынком, развиваясь не по линии увеличения барщины, а за счет эксплуатации наемного труда, источником которого были многочисленные на юге малоземельные слои феодально-зависимого крестьянства.

Вместе с тем выявляется и другая тенденция. По мере продвижения от южных границ Чехии к центральным областям страны барщина, почти совершенно не ощутимая на крайнем юге, выступает все более рельефно. Правда, сумма барщинных повинностей, приходившаяся на одного дер-

¹⁸ В Подержицах — 12 жнецов, 6 дней уборки сена (Р. У. 37/314), в Врабине — 8 жнецов и 4 косца (38/322), в Кртлы — 16 жнецов, 2 косца (38/323).

¹⁹ В XIV—XV вв. распространенной денежной единицей в Чехии, а также и на территории соседних стран был пражский грош. 60 грошей составляли копу. Кроме грошей, в Чехии (особенно на юге и юго-востоке) имели хождение денары (1/7 гроша); 30 денаров равнялись одному солиду. Наиболее мелкой разменной монетой были геллеры. Денар обычно приравнивался к двум геллерам.

Чтобы представить реальную покупную стоимость гроша, упомянем, что на грош в то время можно было купить 2—4 курицы, на 8—10 грошей — свинью, на 20—30 грошей — корову. Стоимость лошади обычно колебалась от 45—50 грошей до 15 коп.

²⁰ Р. У. 18/144; 19/146.

жателя, оставалась почти без изменений. Однако чем дальше к северу, тем большее количество сел внутри каждого из рассмотренных панств оказывается охваченным отработочной рентой.

Материалы поземельных описей более позднего времени помогают составить представление о движении ренты на рассматриваемой территории. О северных районах мы имеем материалы по ряду архиепископских владений, расположенных вперемежку с панствами Рожмберков. Исследование ренты в этих селах показывает, что там имело место сочетание барщины с натуральными и денежными платежами. К северу от Подегус и Буковска, во владениях архиепископства Пражского, барщина, хотя и не особенно тяжелая, охватывала все большее количество населенных пунктов и находившихся там крестьян. При рассмотрении натуральных взносов в пржибрамских и рожмитальских селах бросается в глаза почти полное отсутствие натуральной.

Структура ренты в западной группе южночешских сел близка к рентовой структуре только что рассмотренных феодальных владений. В хиновских и тынских селах, в Пржибрамском и Рожмитальском дистриктах архиепископских владений барщина, хотя и относительно невысокая, обнаружена в большинстве сел и совмещается с чиншем, средняя величина которого колеблется от 48 до 60 грошей. При этом на западе попадаются села, вовсе не знающие барщины. Натуральные платежи во всей рассматриваемой области также невелики.

Сопоставление приведенных материалов, создающих выразительную картину структуры феодальной ренты на юге Чехии в 70—80-х годах XIV в., дает основание для некоторых выводов. Прежде всего полное преобладание денежной ренты над отработочными и натуральными повинностями в конце XIV — начале XV в. может считаться твердо установленным в пределах всей рассматриваемой нами территории. При этом барщина медленно, но все же заметно возрастает при продвижении с юга на север. Это расширение выражается не в появлении новых видов барщины и даже не в увеличении размера повинностей, а в распространении отработочной ренты на все более увеличивающийся круг сел. Такому выводу не противоречат известные отступления от общей закономерности. Так, например, в Пржибрамском дистрикте барщина не возрастала по сравнению с его южными соседями и была выражена даже несколько слабее. Кроме того, не случайным является увеличение числа сел, охваченных барщиной, при переходе от гельфенбургско-подегуско-буковских к тынским и от хоусницко-пржибеницко-милчичинских к хиновским селам. Предполагать здесь чисто локальное различие было бы неправильно, так как перечисленные панства Рожмберков лежали рядом и даже вперемежку с названными архиепископскими владениями. Скорее здесь могла бы идти речь об особенностях рентовой структуры в светских и духовных владениях. Как и во всей феодальной Европе, в Чехии отработочная рента занимала большее место во владениях духовных феодалов, нежели во владениях светских феодалов.

Для окончательного суждения об особенностях рентовой структуры на юге Чехии следует привлечь также данные начала XV столетия. Рассматривая структуру крестьянских повинностей в селах Волинского панства пражского пробства, нетрудно заметить, что барщина в документах по этим селам упоминается только в связи с заменой ее деньгами. Повинности крестьян в незамыслицких селах Бржегновского монастыря включают и барщину, и натуральные платежи, и чинш. В соседних, захлумских селах Страговского монастыря барщина тоже была незначительна. Что касается денежных чиншей, то даже при беглом сравнении с соответствующими данными о крумловских, рожмберкских, фримбургских и затонских селах сразу становится заметным значительное повышение общего уровня денежного обложения и большая точность в определении их величины (всегда с точностью до $1/12$ гроша). Таким образом,

подтверждается общая тенденция движения феодальной ренты на юге страны, проявлявшаяся в повышении денежного чинша, в замене барщин и натуральной деньгами. Проведенное на материале 500 населенных пунктов исследование системы крестьянских повинностей в южной Чехии приводит к выводу о безусловном господстве там в конце XIV — начале XV в. денежной ренты. Денежный чинш в районах южной Чехии никогда не опускался ниже $\frac{3}{4}$ и обычно достигал $\frac{9}{10}$ суммы ренты. Кроме того, почти во всех вотчинах имелись села, где денежные платежи являлись единственным зарегистрированным видом крестьянских повинностей²¹. К началу крестьянской войны денежные платежи крестьян возросли. Как показывает сравнение захлумских сел Страговского монастыря с соседними владениями панов Рожмберков, денежная рента во всем этом районе увеличилась, превышая в отдельных случаях первоначальный уровень более чем в два раза.

Изучение структуры феодальной ренты на юге Чехии представляет особый интерес в связи с тем, что именно в этой части страны население было наиболее революционно настроено. Не случайно проповедь Яна Гуса нашла именно там самый широкий отклик. Нельзя забывать и о том, что на юге Чехии находился Табор, расположенный у границы Прибраницкого панства и окруженный со всех сторон землями Рожмберков, архиепископства, панов из Градца и других феодалов. В селах Тынского, Седльчанского, Прибрамского и других округов радикально-демократическая проповедь таборитов имела наибольший успех: из этих сел стекались под знамена Жижки (родившегося в Новоградском панстве) обездоленные крестьяне, чтобы с оружием в руках бороться против угнетателей.

★
Перейдем к рассмотрению структуры феодальной ренты на территории, прилежавшей к обследуемым районам с северо-запада. Здесь, в пределах тогдашних Пльзенского и Горшовского архидиаконатов, границы которых приближались в основном к границам нынешней Пльзенской области, мы имеем материал по нескольким панствам Рожмберка, находившимся поблизости от рассмотренных архиепископских владений в Прибрамском и Рожмитальском дистриктах и по владениям Хотешовского монастыря. Рассмотрению подлежат данные по 86 населенным пунктам западных районов Чехии, относящиеся в основном к концу 60—70-х годов XIV века. Денежные платежи зарегистрированы во всех селах этой группы западных панств. Они отличаются большим разнообразием и преобладают над отработочными, а также натуральными повинностями. Общим для всех рассматриваемых объектов являются большие колебания в размерах установленных чиншей.

В системе феодальной ренты рассматриваемой группы сел денежные платежи занимают преобладающее место. Их величина намного превосходит стоимость остальных повинностей крестьян; правда, в некоторых селах Хотешовского монастыря удельный вес натуральных повинностей необычайно высок.

Обращаясь к противоположным границам страны, мы получаем более благодарный материал. Здесь, на стыке нынешней Иглавской и Пражской областей, в границах Коуржимского архидиаконата средневековой Чехии, имеются данные по феодальной ренте более сотни сел, причем их описание распадается на те же хронологические группы, которые были установлены при изучении юга страны.

²¹ Наряду с полным преобладанием денежных платежей для юга характерно применение в довольно значительных размерах наемного труда феодально-зависимых крестьян. Но этот вопрос требует особого рассмотрения.

В 16 рожмберкских селах Жижелицкого панства крестьянские повинности значительно отличаются от повинностей в южных селах этих владельцев²². Почти во всех населенных пунктах засвидетельствована барщина. Натуральные повинности в жижелицких селах были ничтожны, но денежные чинши довольно разнообразны. Исследование характера отработочных повинностей крестьян крживсудовских и штепановских сел показывает, что денежные платежи составляли там основу феодальной ренты. Параллельные показания епископской описи 1290 г. содержат данные по пяти из семи пунктов урбария 1390 года. В Штепанове, Хлуме, Дальковицах и Кеблуме барщина вовсе не зарегистрирована. Она появилась здесь в течение протекшего столетия. В Яворнике также прибавились пахотная и охотничья повинности, а уборочные работы увеличились вдвое. В течение этого времени во многих селах исчезли натуральные взносы. Если прибавить к этому, что во всех тех случаях, где это представляется возможным проверить, сильно возросли в то же время денежные платежи, то общая тенденция движения ренты вырисовывается довольно отчетливо. Натуральные платежи исчезают, увеличивается или появляется заново барщина, возрастают денежные платежи. Из рассмотрения отработочной ренты в селах Ржечицкого дистрикта того времени следует, что список барщинных повинностей значительно расширен; исключительное разнообразие приобрели денежные платежи. Так, в 61 населенном пункте насчитывалось 25 различных размеров чинша с лана.

В итоге рассмотрения крестьянских повинностей в изучаемом районе мы видим, что и здесь имеются села и целые владения, где характер крестьянских повинностей приближается в общем к тому, что наблюдается на юге страны. Однако ржечицкие села выпадают из этой схемы: обилие и разнообразие барщины, не знающей коммутаций, сочетаются с высокими денежными платежами. Достаточно широко распространены там натуральные поборы. Еще более явственно выступают эти тенденции в северных вотчинах изучаемой территории. В Жижелицком панстве не только увеличивается барщина, но появляются и ее новые формы: однажды засвидетельствованная здесь урочная система уборки становится господствующей в чешскобродском и колинских селах. Коммутация барщинных повинностей, как правило, не имеет места. Вместе с тем обращает на себя внимание высокая оценка барщинных работ, делающая ее замену очень затруднительной. Основу феодальной ренты и здесь составляет чинш, величина которого резко увеличивается на севере. Что касается натуральной, то она часто отсутствует вовсе и лишь во владениях Страховского монастыря составляют сколько-нибудь заметный процент.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения распределяются по времени настолько неравномерно, что не позволяют придти к определенным выводам относительно движения феодальной ренты в границах рассматриваемого района. В этой связи интерес представляют те немногие данные по селам Штепановского дистрикта, которые допускают сравнение материалов 1390 г. с данными конца предшествовавшего столетия. Они показывают, что в Чехии происходил процесс коммутации натуральных повинностей, и вместе с тем дают возможность судить о расширении домена в архиепископских владениях.

Изучение структуры феодальной ренты в пределах рассмотренного района показывает, что при продвижении от юга к северу довольно заметно изменение характера крестьянских повинностей, наиболее резко выступающее при сравнении данных по Крживсудовскому и Штепановскому дистриктам, с одной стороны, и северной группой прилабских вотчин — с другой. Стройность такой характеристики нарушается лишь ржечицкими селами, рента в которых приближается скорее к ренте

²² Р. У. 22—24/179—196.

последних. Особенно показательны различия между рассмотренными выше южными владениями Рожмберков и Жижелицким панством, а также между захлумскими и колинскими селами Страговского монастыря. Таким образом, структуру феодальной ренты в Коуржимском крае нельзя характеризовать как нечто однородное во всех частях. Скорее можно говорить о том, что весь этот район является в интересующем нас смысле переходным.

Характеризуя феодальную ренту в селах северной части страны, рассмотрим две обширные области, где были расположены владения, описанные в урбариях Страговского, Бржегновского, Градищенского, Збраславского и других монастырей.

В збраславской поземельной описи содержатся урбарияльные заметки по девяти селам, которые находились в непосредственной близости от самого монастыря. Хотя эти сведения крайне отрывочны, все же они говорят о высокой барщине крестьян в середине XIV в. в районах близ Праги. В этом отношении показательны выделение особой группы крестьян и появление в документах соответствующего термина «барщинник», совершенно не встречававшегося в поземельных описях юга, что свидетельствует о появлении более тяжелых форм феодальной зависимости²³.

Вперемежку с селами Збраславского монастыря, а также несколько южнее и юго-восточнее их лежало 37 сел Островского монастыря. Повинность крестьян этих сел описана в урбарии 1388—1390 годов.

Характерно, что барщина там зарегистрирована почти во всех населенных пунктах и удельный вес ее относительно высок²⁴. В то же время сами барщинные повинности различны и распределяются между крестьянами в этих селах пропорционально количеству земли.

Сравнение материалов по ренте крестьян островских сел с данными по южной Чехии дает основание предполагать, что структура крестьянских повинностей последней четверти XIV в. на севере Чехии существенно отличается от структуры в южных районах. На севере барщина распространена почти повсеместно, и удельный вес ее достаточно высок, лишь в немногих случаях и частично она заменяется деньгами.

Севернее островских и збраславских сел начинались владения двух монастырей — Бржегновского и Страговского, почти непрерывным кольцом окружавших столицу Чехии с запада, севера и востока. Здесь еще более ярко замечается усиление и разнообразие барщинных повинностей, которые отмечались в предыдущей группе сел. Так, из 16 бржегновских и 10 страговских сел барщина засвидетельствована в подавляющем большинстве случаев, причем повинности весьма тяжелые. В Тржебоницах с каждой дедины крестьяне должны были пахать по одному дню озимые и яровые, убрать 42 копны, отработать сверх того на уборке господского хлеба сгон (shon), а также перевезти 12 мер господского овса и воз хвороста. Чинш составлял в этом селе 80 грошей; кроме того, каждый держатель лана должен был сдать по 5 мер овса и доставить их в монастырь, дать 9 куриц, 80 яиц и утку²⁵. Наиболее тяжелой повинностью крестьян была обязанность убирать господский хлеб, обозначенный количеством копен; при описании села Бржегнов²⁶ по этому случаю дается такое разъяснение: «И каждая копна должна иметь 50 снопов, так что 50 снопов должны дать 4 стрихона при обмолоте». Столь же велики были

²³ Вопрос о воздействии «феодальной реакции» на разные группы крестьян требует специального исследования.

²⁴ Decem registra censuum bohemicarum compilata aetate bellum husiticum praecedente. Deset urbářů českých z doby před válkami husitskými. K vydání upravil Josef Emmler. Praha. 1881, str. 53—69 (в дальнейшем цитируем сокращенно — Д. Р.).

²⁵ Д. Р. VII, 158.

²⁶ Там же, 155.

крестьянские повинности и в других селах этого района. В Иночанах, например, крестьяне должны были ставить по 32 копны, отбывать 7 дней «сгона», 2 дня пахоты, перевозить хворост. В селе Збузаны крестьяне делились на две группы: одни ставили по 20 копен и перевозили по 3 воза камней, а другие обязаны были работать каждый день, когда им прикажут («*laborare omnia die quidquid ipsis mandatur*») ²⁷. Первые платили высокий денежный чинш, вторые были «освобождены» от него. Наконец, в селе Либоч уже все крестьянские дворы (18) должны были работать три дня в неделю на своих харчах («*laborare tribus diebus in septimano suis sumptibus et expensis*») ²⁸.

Здесь перед нами впервые выступает с такой определенностью резкое увеличение отработочной ренты, доходившей порой до присвоения всего рабочего времени крестьянина. При этом обнаруживается и значительная гибкость форм этой ренты. В одних случаях она принимала вид еженедельной трехдневной барщины для всех крестьян; в других же случаях — была обязательной только для части крестьянства, но ничем не ограничивалась.

Столь резкое увеличение барщины стоит и в непосредственной связи с наступлением феодалов на крестьянские земли, с захватом этих земель и включением их в состав господского домена. Классическим случаем такого рода в пределах рассматриваемого материала является село Хайно. Крестьяне этого села находились на положении чиншников, но в период, непосредственно предшествовавший составлению описи, были лишены земли и взамен чинша обложены барщинными повинностями ²⁹.

О крестьянских полях прямо говорится, что они присоединены к курии (*pro curia sunt ibidem applicatem*) ³⁰. Таким образом, резкое возрастание крестьянских повинностей непосредственно связано с расширением доменов.

Весьма примечательно, что возрастание барщины отнюдь не влекло за собой снижения остальных повинностей. Так, крестьяне левобережных бржезовских и страховских сел систематически сдавали кур и яйца, иногда уток и зерно. Равным образом и чинш был не только не меньше, но часто даже и значительно больше, чем за 20—30 лет до этого. В одном случае (село Погоржелец) зарегистрирован даже чинш в 160 грошей с лана. Хотя случаи наиболее высоких чиншей приходится на те села, барщинные повинности в которых не указаны, все же общее стремление к увеличению феодальной ренты, проявляющееся к кануну гуситских войн, вряд ли может быть оспариваемо.

На правом берегу Влтавы наблюдается та же картина. Во всех клуминских, костелецких и страховских селах (исключение составляет только Уездец) зарегистрирована барщина. Как и в левобережных селах, основным видом барщинных повинностей там являлись уборочные работы, измерявшиеся количеством дней и снопов.

Натуральные и денежные платежи крестьян правобережных сел центра в основном не отличались от платежей левобережных сел. Во всех этих селах они достаточно высоки.

Из рассмотренного материала видно, что структура феодальной ренты во всех селах, расположенных вблизи Праги, в основном была однородна. Вместе с тем она резко отличалась от состава и характера крестьянских повинностей в южной Чехии. Это подтверждается и примерным расчетом стоимости составных частей феодальной ренты в центре. Например, в селе Слатина, где стоимостью одной копны приравнивается к одному грошу, имеется следующее соотношение между чиншем и барщиной. Крестьяне

²⁷ Там же, 156.

²⁸ Там же, 160.

²⁹ Д. Р. VIII, 236.

³⁰ Там же.

уплачивали со всего села 11 коп чинша, а стоимость одних только уборочных работ (кроме них крестьяне должны были мыть и стричь овец, убирать сено) составляют 3 копы 7 грошей, то есть около 30% чинша³¹. То же наблюдается в соседнем селе Весеч, где сумма крестьянских чиншей составляла 16 коп, а уборочные повинности были оценены в 5 коп. Еще более выразительно соотношение между главными видами феодальной ренты в селах Тржебовезье и Велеславце, где чинши составляли соответственно 4 копы 16 грошей и 5 коп 14 грошей, а стоимость уборочных работ могла быть приравнена к 2 копам 12 грошам и 2 копам 51 грошу. В таких селах, как Иночаны и Рузен, стоимость барщины превышала чинши, составляя в первом случае 6 коп 18 грошей против 6 коп и во втором — 20 без малого коп против 18 коп 23 грошей чинша³². В некоторых селах (например, Либоч) барщина являлась вообще единственным видом феодальной ренты. Подобное соотношение между частями феодальной ренты наблюдается и в других селах изучаемого района, то есть стоимость барщины колеблется от трети до половины чинша, а иногда даже превышает ее.

Итак, в результате приведенного обзора можно прийти к выводу, что особенностью рентовой структуры во всем Припражском районе является резкое увеличение удельного веса отработочной ренты, заметное уже в конце первой половины XIV века. Тенденция к увеличению барщины, явственно проступающая еще при изучении збраславских сел, становится уже вполне осязаемой по материалам островского урбария.

Наконец, данные первого десятилетия XV в. показывают, что во многих случаях отработочная рента начинает оспаривать у денежной ее господство. Рост денежной ренты в окрестностях Праги не поспевал за увеличением барщины, часто определявшейся даже не количеством дней в году, как это было на юге, а высокими уроками и порой числом дней в неделю. Это увеличение барщины стоит в непосредственной связи с увеличением барской запашки и всего господского хозяйства в целом. С другой стороны, усиление барщинной эксплуатации резко ущемляло жизненные интересы крестьянства и тем самым стимулировало его на выступления против феодального гнета.

К северу, северо-востоку и северо-западу от Праги, а также к востоку, в пределах Болеславского архидиаконата, была расположена значительная группа владений. О феодальной ренте в селах этих владений имеются интересующие нас данные, которые свидетельствуют о том, что в северных селах Чехии во второй четверти XIV в., несмотря на преобладание денежных платежей крестьян, барщине принадлежало большое место, а натуральные платежи были сравнительно незначительны. Рассматривая крестьянские повинности страговских сел, можно составить известное представление о движении феодальной ренты за 40—60 лет. Это связано с тем, что во многих селах поземельная опись содержит не только урбаральные заметки обычного характера, но и грамоты, подробно перечисляющие состав и характер крестьянских повинностей для более раннего времени. Обратимся к материалам по нескольким селам, где формулы грамот содержат наиболее полное перечисление крестьянских повинностей, и сопоставим их с данными собственно урбаральных заметок.

Уставная грамота села Патек датируется 1374 годом. В селе в это время насчитывалось 18 заново обмеренных полей по 72 югера в каждом. Держатели этих наделов уплачивали по 72 гроша чинша, сдавали по 6 стрихонов зерна (2 пшеницы, 2 ржи, 2 ячменя), по 1 кварталу (четвертая часть стрихона) конопли и обязаны были отвозить все это на барский

³¹ Д. Р. VII, 175.

³² Там же, 159.

двор. Кроме того, они должны были перевозить своими средствами по 10 стрихонов господского зерна и по возу сена. Уборочная повинность состояла в обязанности выставлять по 6 косцов; крестьяне уплачивали по 6 куриц и по 6 яиц. Все эти повинности мы находим и в 1410 г., правда, с характерными прибавлениями: например, десять стрихонов господского зерна крестьяне должны были перевозить беспрекословно, причем во время работ находиться на своих харчах; сдаваемые крестьянами зерновые продукты также должны были теперь привозиться на курию.

Для всех крестьян этого села, вопреки торжественному обязательству, содержащемуся в эфитевтической грамоте, ни в коем случае не увеличивать крестьянских повинностей, появилась новая обязанность — убирать господский луг, и сверх того прибавился обширный список работ, которые должны были выполнять подсоседки. Здесь мы находим разнообразную и тяжелую барщину: пахать 10 полос овса; работать 10 дней на уборке, 3 дня на мельнице, 3 дня на господском дворе; дважды в году мыть и стричь овец, чesать коноплю всегда «*si opus fuerit*». Если при всем этом учесть, что в общем описании села на первом месте находится господское хозяйство, то становится ясно, что центр тяжести господского хозяйства передвинулся с эксплуатации крестьян-чиншеви́ков на господскую запашку, а главную рабочую силу на домене стали составлять подсоседки³³.

Общее увеличение суммы феодальной ренты отмечается также в Радонице, Страдомце и других населенных пунктах этой группы сел.

При рассмотрении движения феодальной ренты на севере Чехии обнаруживается, что барщина носит иной характер, чем на юге, и приближается к тому, что наблюдалось в селах, расположенных вокруг Праги. Коммутация барщины представляется редким исключением. Отработочные повинности крестьян, напротив, увеличиваются в числе и возрастают почти по всем статьям. Вместе с тем барщина переживает и качественные изменения. Это нашло свое выражение в появлении и укреплении к началу XV в. ряда формул неопределенной барщины — барщины по воле господина («*ad mandatum domini*»), направленной на всестороннее обслуживание своего хозяйства, которое росло и укрепляло связи с рынком.

Материалы о структуре ренты центральной и северной Чехии дают основание сделать следующий вывод: крестьянские повинности в районе Праги и к северу от нее не только сходны между собой и отличны по своему составу и характеру от того, что было выше выяснено в отношении юга, но и развивались по иному пути. Высокий удельный вес барщины в составе крестьянских повинностей наблюдается в окрестностях Праги и в Рудницком крае уже в конце первой половины XIV века. С течением времени роль отработочной ренты не только не уменьшалась, но, как показывают материалы по Островскому и особенно Страговскому, Бржеговскому и Градищенскому монастырям, напротив, приобретала все большее значение. К началу XV в. удельный вес барщины среди прочих повинностей во многих вотчинах неуклонно возрастал. Барщина постепенно превращалась если не в количественно преобладающий, то, во всяком случае, в ведущий вид феодальной ренты. Это подтверждается, во-первых, тем, что отработочные повинности колеблются для подавляющего большинства населенных пунктов между 30 и 50% всей суммы чинша; во-вторых, тем, что темпы роста отдельных видов ренты соответственно изменяются. Если чинш вырастает, как было показано, на треть или на половину своего первоначального размера, то барщина увеличивается в полтора — два раза, а во многих случаях вообще появляется заново. При этом можно отметить и качественное изменение первоначальной отработочной ренты. Список барщинных повинностей все время растет и усложняется; уточняется не только продолжительность, но и коли-

³³ Д. Р. VIII, 251—260.

чество и качество произведенной работы. Это наиболее заметно проявляется в широком распространении урочной системы.

Для определения смысла и характера увеличения отработочной ренты необходимо выяснить тесную связь этого явления со специфическими чертами вотчинного хозяйства XIV—XV вв. в центре и на севере Чехии. Возрастание и разветвление видов барщины неразрывно соединяется здесь с увеличением домена, с усложнением всего господского хозяйства, вынужденного приспособляться к потребностям рынка, прежде всего пражского. Уже высокий уровень чинша и его рост одновременно с усилением барщины позволяют заключить, что перед нами не первичные формы отработочной ренты, а своеобразный ответ феодальной вотчины на развитие товарного производства в экономике страны. Если южно-чешская вотчина развивалась в этих условиях в сторону ослабления отработочной ренты и одностороннего увеличения денежной, то на севере наступление феодалов проходило по всем направлениям.

В связи с ростом домена и господского хозяйства центральным и решающим участком наступления феодалов оказалось именно наиболее хищническое присвоение труда непосредственного производителя — отработочная рента, барщина. Возрождение и укрепление последней немедленно и со всей резкостью отразилось на положении крестьян, наложив неизгладимый отпечаток на всю жизнь феодально-зависимой деревни. Задавленное непосильной барщиной и стесненное феодальными рогатками, крестьянство центральной Чехии выступило против феодалов. Именно здесь началась великая крестьянская война. Однако центр Чехии оказался не в состоянии вести длительную борьбу; не Пражский район, а Табор дал движению имя, революционную программу и руководителей. Крестьянство севера, оттесненное посредствующей ролью вотчины даже от ближайших городов и к тому же наиболее разобщенное, оказалось способным лишь на проявление форм протеста, далеких от тех способов организации, которые мы встречаем в центре, не говоря уже о Тобо́ре.

Рассмотренные здесь материалы о платежах и повинностях чешского крестьянства далеко не исчерпывают всей суммы феодальной ренты в пользу сеньера, церкви и государства. Определение полной суммы феодальной ренты крайне затруднено. Только соединяя многие случайные упоминания и попутные замечания источников в одно целое, можно определить хотя бы приблизительно эту сумму. Разумеется, нет возможности дать развернутую картину повинностей в локальном и хронологическом разрезе: речь может идти лишь о констатации и определении характера отдельных налогов, барщины и натуральных взносов.

Кроме чинша, барщины и регулярных натуральных взносов, поземельные описи чаще всего упоминают о берне, которая представляла собой государственный поземельный налог, взимавшийся нерегулярно. Монастыри были обложены сверх того особым видом берны («berna regalis»), которая всей своей тяжестью ложилась на плечи крестьянства. В документах имеются упоминания еще и о различных дополнительных сборах («contributio», «steura»). Эти сборы иногда заменялись прямым обложением. Наряду с берной обычно взимался особый налог, поступающий в пользу сборщиков последней («pro delencialibus (smazne)») и состоявший из одного гроша. Кроме того, практика взимания берны предоставляла феодалам и их агентам широкие возможности для дополнительного ограбления и притеснения крестьян. Постоянным общегосударственным налогом, во многих местах также узурпированным феодалами, являлся подымный сбор («fumales»), взимавшийся вне всякого соответствия с имущественным положением облагаемых. Перечисленные налоги поступали, как правило, в денежной форме. То же можно сказать и о широко приме-

нявшейся в этот период сеньерами практике вымогательства у крестьян под различными предлогами всевозможных единовременных взносов — «помочей».

Особую группу дополнительных поборов, весьма недостаточно и неопределенно упоминаемых поземельными описями, представляют такие платежи, как оплата за выпас крупного рогатого скота и овец. Что касается «полошадного сбора», то он состоял не только из цыплят и овса, подобно предшествующим, но и из денег. К названным повинностям близки по своему характеру различного рода баналитеты, а также «почетные» подношения. Личные права господина проявлялись не только в получении сравнительно небольших регулярных поборов с подвластных ему крестьян, но и в особых правах на их имущество.

На грани между личными поборами и торговыми пошлинами находятся поборы, которые взимались со всех крестьян, приезжавших в дачную вотчину или выезжавших из ее пределов. Кроме провозных пошлин, крестьяне уплачивали еще и собственно торговые сборы. Немаловажную графу феодальных доходов и соответственно обложения крестьян составляли судебные штрафы и платежи. Во многих населенных пунктах зафиксированы специальные денежные сборы на содержание судебного аппарата.

Все эти платежи и поборы далеко не исчерпывают списка крестьянских повинностей. Сюда, например, не вошли церковные доходы, начиная с десятины и кончая многочисленными требами. Кроме церковной десятины (которая часто также собиралась деньгами), только некоторые второстепенные поборы взимались натурой. Роль барщины во всех дополнительных повинностях крайне невелика. Если учесть названные выше поборы, то структура всей феодальной ренты несколько видоизменится: возрастет в ее составе удельный вес натуральной и значительно поднимется процент денежных платежей.

Выше была сделана попытка выявить особенности структуры и специфику движения феодальной ренты в различных районах Чехии во второй половине XIV и в первом десятилетии XV века. Несмотря на сравнительно небольшие размеры страны, невозможно говорить о строгом единообразии структуры ренты, правильно и однозначно эволюционирующей в пределах всей Чехии на протяжении изучаемого периода. Напротив, приведенные материалы позволяют наметить локальные различия в составе, характере и развитии системы крестьянских повинностей и платежей в отдельных вотчинах и группах вотчин.

Публикуемые результаты произведенной работы, разумеется, нельзя считать окончательными. Тем не менее необходимо отметить, что они опираются на анализ ренты более чем в 900 населенных пунктах, разбросанных почти по всей Чехии³⁴.

Наиболее отчетливые индивидуальные характеристики намечаются при изучении сел крайнего юга, с одной стороны, и ближайших к Праге сел центральной Чехии — с другой.

Что касается общих выводов о характере феодальной ренты в масштабах всей страны, то несомненным является факт господства денежных платежей в системе крестьянских повинностей. Денежная рента постоянно и неуклонно растет, причем возрастает не только ее абсолютная величина, но и реальное значение. Барщина, резко увеличивающаяся и даже иногда вновь появляющаяся на севере, не нарушает картины преобладания денежной ренты в целом по стране. В самом деле, если учесть, что в тех же поземельных описях указано значительное число платежей

³⁴ Изучение других источников, в первую очередь сохранившихся, но неизданных поземельных описей, могло бы уточнить предлагаемые итоги.

и поборов, носящих преимущественно денежный характер, то перевес денежной ренты над отработочной станет вполне очевиден.

Увеличение феодальной ренты, особенно резко возрастающей в первое десятилетие XV в., выражает усиливающуюся феодальную эксплуатацию и является способом наступления феодалов на имущественные и личные права крестьян. И хотя формы его различны, процесс наступления феодалов наблюдается как на севере, так и на юге страны. На севере вотчина, не успев радикально перестроить методы своего хозяйствования, реагирует на рост рыночных связей усилением феодальной эксплуатации в наиболее грубой и примитивной форме. Непогодородные земли юга не представляли в этом отношении тех возможностей увеличения господских доходов, которые привлекали внимание феодалов. Кроме того, юг с его развитой городской жизнью лежал на одной из главных торговых артерий тогдашней Европы; денежная рента там уже давно успела укорениться и приобрести прочность обычая. Ввиду этого способы наступления феодалов на крестьянство (наступления, вызванного все тем же ростом товарно-денежных отношений к концу XIV — началу XV в.) приобретают здесь иные организационные формы.

Таким образом, в аграрном развитии Чехии уже в начале XV в. начинают ощущаться те тенденции, которые полностью проявились лишь столетием позднее. Признаки фактического распространения вторичного закрепощения, юридическое оформление которого было завершено в конце XV и начале XVI в., начали обнаруживаться не после крестьянской войны и не в результате ее, как утверждает буржуазная наука. Наоборот, только это величайшее выступление против феодалов спасло крестьянство от закрепощения в первой половине XV века. Однако в этот ранний период крепостнические тенденции не развивались равномерно в разных частях страны и не задевали в равной степени все группы крестьян, что объясняется и спецификой экономического развития отдельных районов средневековой Чехии и особенностями классовой борьбы.

Основные черты социально-экономического облика отдельных частей страны определяли размах и характер выступлений трудящихся масс. Районы максимальной революционной активности совпадают при этом не с районами наиболее яркого проявления крепостнических тенденций в центре и на севере страны, а находятся в областях юга, где слабо развита основная предпосылка последних — барщина. Отсутствие барщины на юге Чехии объясняется как особенностями хозяйственного развития, так и революционностью масс, превративших этот район в один из главных очагов борьбы против феодальной эксплуатации³⁵. Но и на юге и на севере страны к концу XIV — началу XV в. явственно замечается усиление феодальной эксплуатации, резко ухудшающей, независимо от ее форм, материальное и правовое положение крестьян. Эта сенсориальная реакция, обусловленная всем ходом предшествующего социально-экономического развития, вызывала возрастающее сопротивление крестьян и приводила к небывалому обострению классовой борьбы.

Примыкая к движению городских масс, значительно усилившемуся благодаря национальной борьбе, переплетаясь с антикатолическими выступлениями бюргерства и разоряющегося рыцарства, массовое выступление крестьян сделало Чехию в конце первой четверти XV в. центром революционной, антифеодальной борьбы в Европе.

³⁵ Вопрос о силе революционных настроений народных масс в разных районах Чехии накануне гуситских войн, их поведении в ходе самих войн и о зависимости этого поведения от особенностей социально-экономического развития соответствующих районов требует дополнительных исследований и в рамках настоящей статьи может быть только поставлен.